

Ко Дню Победы

Виктор ВЛАДИМИРОВ, Долгопрудный (Россия)

ДУШИ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ

На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мертвых расцвели голубые цветы.
. . . . . .
это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.

Семён Гудзенко

* * *

Вот свет луны увозят в автозаке,
и я спешу (пока она жива!)
души опознавательные знаки
переводя на русские слова.

ЗНАМЯ И ОРДЕН ПОБЕДЫ

Мне до планки тот голубь мира
гениального Пикассо.
Что? У нас крикуны эфира

и Победу отняли? Что

за причина Победы Орден
снять с символики Дня Победы?
Наши братья дрались за Одер.
Брали логово наши деды.

Все извилины мне изъездила
политическая клептомания.
Мы в Берлин принесли — возмездие,
мы не мир принесли в Германию.

Мёрзли, мёрли, горели в пламени,
чтобы в этот День Победивших
не увидеть Красного Знамени
цвета крови за нас погибших?!

В этот День лишь одна символика.
Это Знамя и Орден Победы.
В кружке спирт. Что до джина с тоником —
нам такой вообще не ведом!

МЫСЛИ ВСЛУХ

Неужели?

Мы подобие жалкое прежней страны,
что рассыпана вся на детали.
И уже никогда не вернётся с Войны
тот Союз, что в боях отстояли.

Почему?

Кровью за жизнь заплатила Россия,
вот потому до сих пор и жива.
Чуждая — нами подавится сила.
Чуждые — нас искажают слова,

чтобы лишить и ума, и былого.
Господи Боже, мы люди Твоя.
Так почему искажается слово?
Может, и вправду — закат бытия?

Великое переселение

Закончились мыло и спички.

И спирт по стаканам разлит.
А в космос идут электрички:
Мы БАМ развернули в зенит.

Страна, занимай своё место.
Накатим! И — полный вперёд!
Ты вечная наша невеста.
А мы твой последний народ.

ОКОНЧАНИЕ ОДИССЕИ

И стирала носки и майки
Одиссею там Навсикая.

Сергей Пименов

И так за неделей неделя: всё ходят по кругу
то чья-то надежда, то смерть, то убитая вера,
а ты прислонился спиной к онемевшему другу,
и как в преисподней: там фосфор горит, а там — сера.

И всё повторяется с каждым бессмысленным тактом,
где в землю кладут, отрыдав, не Ивана так Марью,
где жизнь и судьба до золы выгорают, до факта,
где воздух скрипит на зубах, пропитавшийся гарью.

И только услышишь — летит, кислород рассекая,
и только увидишь — рванёт в сто смертей оболочка.
И не обстирает тебя, Одиссей, Навсикая,
умрёт Пенелопа над пряжей кровавой. И точка.

* * *

О! Ра

Что даётся — даётся лишь раз.
Нам и пядь уже здесь застолбили
под железобетонный каркас.
Плюс оградка и крест на могиле.

Не уехать от родины, нет.
Как остатки асфальта у дома,
по составу, на ощупь, на цвет,
жизнь понятна и смерть здесь знакома.

А попробуй в арабской глуши

или где-то на Галапагосе,
как на символе русской души,
удавиться на белой берёзе.

Не таким пожеланьем конца
я, конечно, хотел расстараться,
но, как близко б ни бились сердца,
всё равно предстоит расставаться.

Как заметил один эрудит:
«Знать финал — не листал бы страницы».
Рухнул век.
Подобрали пластит —
помогли на осколки разбиться.

И не пустишь за правдой гонца
в те пределы, куда, без оглядки,
жизнь уходит походкой слепца,
чьи прозренья случайны и кратки.

